

И.О. Волков

ПИСЬМО В.П. ТИТОВА К В.Ф. ОДОЕВСКОМУ КАК НЕИЗВЕСТНЫЙ ОТКЛИК НА СТАТЬЮ И.С. ТУРГЕНЕВА «ГАМЛЕТ И ДОН-КИХОТ» (К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ ТУРГЕНЕВСКОЙ ТРАКТОВКИ ОБРАЗА ГАМЛЕТА СОВРЕМЕННОКАМИ)¹

Аннотация. *Впервые публикуется письмо известного в России в 1820-е гг. писателя и теоретика литературы В.П. Титова к князю В.Ф. Одоевскому от 12 (24) февраля 1860 г., извлеченное из архива Публичной библиотеки. Содержание письма является одним из важных свидетельств того, как была воспринята в кругу образованных современников статья И.С. Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» (1860). Особое значение имеет развернуто высказанная В.П. Титовым интерпретация образа Гамлета, противопоставленная критическому взгляду И.С. Тургенева.*

Ключевые слова: *В.П. Титов, письмо В.Ф. Одоевскому, И.С. Тургенев, «Гамлет и Дон-Кихот», Шекспир.*

Статья «Гамлет и Дон-Кихот» была написана И.С. Тургеневым в своем окончательном варианте в самом начале января 1860 г. На этот же месяц пришлись как ее открытое чтение, так и печатная публикация в журнале «Современник» (№ 1). Истоки этого «эстетического документа» (по определению Ю.В. Манна [1. С. 28]), над которым писатель активно работал в течение трех лет, исследователи находили в его размышлениях более чем десятилетней давности. Так, Ю.Д. Левин предполагал, что возникновение замысла прежде всего связано с рефлексией «писателя над революционными событиями 1848 г.» [2. С. 123]. Исследователь видел прямой намек на это в словах автора, характеризующих Дон Кихота и похожих на него людей, «умирающих за столь же мало существующую Дульцинею или за грубое и часто грязное нечто, в котором они видели осуществление своего идеала...» [3. Т. 5. С. 338].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90006 «И.С. Тургенев и У. Шекспир: проблемы диалога».

Думается, исходную точку дуальной типологии Тургенева необходимо искать в изначально сложном диалектическом отношении писателя к образу Гамлета, который в этом философско-эстетическом построении все-таки был для него первичным материалом. Именно благодаря соседству с трагическим героем У. Шекспира образ Дон Кихота обретает у Тургенева широту осмысления и наполняется актуально значимым содержанием. При этом важно заметить, что выстроенная писателем параллель наследует традицию Ф. Шлегеля, впервые сопоставившего как Шекспира и Сервантеса, так и «Гамлета» и «Дон Кихота». От немецких романтиков идет импульс и к выявлению противоречивой природы каждого представленного образа, стремление акцентировать их двойственность [4. С. 413].

Один из главных образов шекспировской характерологии вошел в поле тургеневского видения очень рано и сразу же стал предметом усиленных раздумий. В 1834 г. писатель переносит в поэму «Стено» мотив быстротечности жизни и неминуемости смерти, закрепленный в символическом образе черепа и выраженный в сцене философских размышлений героя. Далее в рассказах «Андрей Колосов» (1844) и «Петр Петрович Каратаев» (1847) Тургенев производит все более полновесную интерпретацию гамлетовской проблематики на русском материале, решая вопрос о сущности современной личности, ее активности или пассивности в действительном мире.

В 1845 г. в статье-рецензии на перевод «Фауста» М.В. Вронченко Тургенев впервые, хотя и косвенно, дает эстетическую характеристику Гамлету в сравнительном ключе. Принц Датский сопоставляется с Фаустом И.-В. Гёте на основании принадлежности обоих персонажей к тому типу героев, вблизи мятущегося сознания которых («внутренняя борьба личного духа» [3. Т. 1. С. 214]) вольно или невольно происходит неизбежное разрушение любящих их людей (Офелия и Гретхет соответственно). Однако, находя в Фаусте гипертрофированное воплощение идеи сомнения, Тургенев отдавал предпочтение Гамлету, который в этом разрушении близкой души не жалеет и самого себя.

Первую развернутую интерпретацию шекспировского героя писатель выстраивает в письме к П. Виардо от 25 декабря 1847 г., причем снова делает это в аспекте сравнения, но используя уже иной художественный образ. Тургенев проводит параллель между Гамлетом и главным действующим лицом драмы Кальдерона «Жизнь есть сон»

Сехизмундо («испанский Гамлет» [5. Т. 1. С. 379]). Здесь возникает антитеза на основании действия и бездействия, а также причин, обуславливающих такое поведение у каждого из героев. Различия между ними Тургенев выводит через отличительные черты представляемых ими типов людей Севера и Юга, т.е. определяющими признаками в сопоставлении оказываются приметы национальной характерологии в достаточно обобщенном виде. Так, Гамлет описывается как «более рассудительный, более тонкий, более философичный», а Сехизмундо в противоположность ему обладает «простым, обнаженным и отточенным, как шпага» характером [Там же]. По точному замечанию М.П. Алексеева, именно эта параллель между героями Шекспира и Кальдерона получает «законченную форму» [6. С. 139] в статье-речи 1860 г., где писатель продолжает сопоставление английского и испанского нравов. Знаковое указание на «наследственность» авторской мысли содержится в соотнесении «духа северного человека» (Шекспир) и «духа южного человека» (Сервантес). Неслучайно в год знакомства Тургенева с испанской ренессансной драмой происходит и усиленное штудирование им «Дон Кихота», о чем достоверно свидетельствует экземпляр романа на языке оригинала с многочисленными пометами его внимательного читателя [7]. Маргиналии писателя – карандашные и чернильные подчеркивания внутри текста, записи на полях на русском, французском, немецком и испанском языках – служат не только и не столько фактом испаноязычной рецепции (формального процесса чтения романа в оригинале), но являют принципы смысловой актуализации для Тургенева как всего произведения, его проблематики, так и образа главного героя.

Испанский образ героической личности как равный противовес Гамлету у писателя вырастает постепенно с выделением разных аспектов, но в едином направлении: от решительного и включенного в фатальную последовательность Сехизмундо до слепого энтузиаста из Ла-Манчи. В результате этого пути датский принц проходит у Тургенева своеобразную проверку на двух сходных примерах – действие личности в ситуации предопределения (звездное пророчество) и пограничной реальности (жизнь / сон) и действие в положении абсолютной свободы и предельной субъективности (реальность конструируется искаженным восприятием героя). В обоих случаях Гамлет, на первый взгляд, оказывается в невыгодной позиции, так как не вы-

держивает сравнения ни с Сехизмундо, ни с Дон Кихотом. Однако позиция Тургенева по-прежнему остается сложной и противоречивой. Неслучайно в тексте статьи появляется еще один образ – Мефистофеля, который подчеркивает неполноту гамлетовского отрицания и его этическое превосходство (не сомневается во зле «и вступает с ним в ожесточенный бой» [3. Т. 5. С. 340]).

Наряду с постепенной разработкой эстетической проблематики образа Гамлета в тесном соотношении с характером, во многом ему противоположным, его интерпретация, выведенная на страницах статьи-речи 1860 г., наследует и другой значимый опыт. Речь идет о представленном в рассказе «Гамлет Щигровского уезда» (1848) художественном осмыслении типа рефлектирующей личности в пространстве национального мира. Продолжая свои искания в области «русского» (или «степного») Гамлета, Тургенев встраивает нравственно-философскую проблематику шекспировской трагедии в кризисную социально-историческую и культурную атмосферу России 1840-х гг. Разработку положительного героя («героя своего времени») он ведет на близком и знакомом материале эпохи, в которой им выделяется неординарная личность, остановившаяся «на середине» и пасующая перед требованиями времени, но вместе с тем не обреченная совсем на забвение (за человеком остается возможность выбора).

Речь «Гамлет и Дон-Кихот» демонстрирует тот же напряженный поиск активного и одновременно здраво мыслящего героя, способного верно действовать в атмосфере эпохальных перемен. Исторический слом конца 1850-х гг., ознаменовавшийся ожиданием «великих реформ» (особенно главной из них, способной решить постыдную и горькую проблему крестьянского рабства) заставляет Тургенева снова обратиться к шекспировскому образу и противопоставить ему другой, уже вызревавший в его сознании и столь же неоднозначный по своей природе.

Общее содержание тургеневской речи-статьи чрезвычайно насыщено смысловыми акцентами, однако ее объем (заданные «статейные» рамки) и живая стихийность мысли не позволили автору во всей полноте раскрыть каждый выдвинутый им тезис. Окончательный текст во многом несет на себе отпечаток того плотного и логически выстроенного конспекта, вид которого он имел в черновом варианте [8]. В то же время это не помешало Тургеневу ярко и актуально изложить

свой художественно-эстетический замысел. Именно актуальную значимость тургеневского построения, в частности сложную и многоаспектную интерпретацию образа Гамлета, подтверждает неопубликованное письмо В.П. Титова к В.Ф. Одоевскому от 12 (24) февраля 1860 г.

Владимир Павлович Титов (1807–1891) – чиновник и дипломат, государственный деятель и литератор, племянник Д.В. Дашкова, воспитанник Московского университетского благородного пансиона, близкий к кругу Общества Любомудрия, плодовитый в 1820-е гг. писатель и активный участник литературной жизни России, автор романтических повестей, среди которых особой известностью пользовался «Уединенный домик на Васильевском» (1829), и теоретических статей по европейской словесности; в 1856–1858 гг. был наставником сыновей Александра II. С Одоевским Титов познакомился в годы обучения в университетском пансионе, и далее их творческие и жизненные пути шли в непосредственной близости, а дружеские контакты сохранялись вплоть до смерти князя в 1869 г.

Тургенев, вхожий в литературный салон Одоевского, вероятно, через его посредничество и познакомился лично с Титовым, хотя сколь-либо приятельских отношений между ними не возникло. Писатель в своих письмах только единожды упоминает его имя – в связи с произведенной в 1858 г. Александром II переменой в составе воспитателей своих сыновей: «Титов заменен каким-то дураком Гриммом, Кавелин удален, Щербатов вышел в отставку» [5. Т. 3. С. 321]. Однако отсутствие личных контактов не помешало тому, что творчество Тургенева часто оказывалось в центре внимания Титова; немало способствовал этому и усиленный к нему интерес Одоевского, получивший особый смысл в 1860-е гг. (полемический отклик на повесть «Довольно», заметки об «Отцах и детях» и «Дыме»). Интересно резко критическое высказывание Титова по поводу романа «Накануне» в письме к П.А. Вяземскому от 14 (26) марта 1860 г.: «Простительно ли Тургеневу после “Дон-Кихота” и других славностей родить такую пошлость, как “Накануне”. И откуда эти господа берут таких женщин? <...> Этот вопрос я себе задал, прочтя в фельетоне “СПб-х ведомостей” восторженные похвалы не столько самой повести, сколько именно героине – славянофилке» [9. Л. 183].

Ранние эстетические взгляды «любомудра» Титова несли на себе серьезную печать философии идеализма, однако его теоретические

разработки в области изящной словесности по значимости для своего времени и последующего развития стоят в одном ряду с трудами А.И. Галича и Н.И. Надеждина [10. С. 110]. Постигшее Титова в 1830-е гг., во время путешествия по Германии, разочарование в «романтических упованиях» [Там же. С. 111] способствовало постепенной выработке новой эстетической системы, отвечавшей веяниям стремительно меняющегося времени.

С трагедией Шекспира «Гамлет» и романом Сервантеса «Дон Кихот» Титов был знаком очень хорошо, как хорошо он знал и всю историю западноевропейской словесности, о чем ясно свидетельствуют уже две его статьи, опубликованные в «Московском вестнике»: «О достоинстве поэта» (1827) и «О Романе, как представителе образа жизни новейших Европейцев» (1828). Название последней точно характеризует направление мысли Титова, который прослеживает связь эпического жанра с развитием народной культуры и складыванием национального сознания. Здесь же он дает краткую характеристику «Дон Кихоту», явившемуся, по его мнению, «показать нелепость» рыцарских романов с их верой в чудесное и «открыть европейским романистам новый и важный предмет наблюдения: народные обычаи, народный образ мыслей» [11. С. 119]. Кратко Титов высказывается и о Шекспире, чье творчество (особенно исторические хроники) показало «действие мнений и переворотов политических на людей невидных, на круги семейные» [Там же]. «Мысль народная» роднит Титова с Тургеневым, хотя размышления последнего отличаются большей полнотой и масштабностью.

Трактовка образа Гамлета и, следовательно, критика тургеневского подхода, у Титова частично связана с пониманием трагедии Датского принца, выработанным немецкими романтиками, в частности братьями А. и Ф. Шлегелями. Об этом говорят черты намеренной идеализации шекспировского героя и стремление к его оправданию. Однако Титов не преследует цель до конца отстоять романтический ореол Гамлета в качестве титанической личности (грандиозный ум и масштаб чувствования) и утвердить лишь трагический пафос внутренней борьбы. Развивая определение сути внутреннего конфликта героя, данное Гёте, он, с одной стороны, идет и к действительному его пониманию, называя необходимость принца находиться в унижительной роли «жалкого полушута, нерешимого брюзги и ветошки». Но, с дру-

гой стороны, объективности оценки мешает и неотступное желание видеть в Гамлете жертву неотвратимой судьбы, что превращает его в героя почти классической трагедии рока.

Яркая и развернутая реакция Титова (в документе личного характера) на статью Тургенева интересна и важна тем, что наглядно раскрывает новизну и оригинальность писательского взгляда, его широту и многоплановость трактовки гамлетовского образа, впервые проявившиеся еще в рассказе «Гамлет Щигровского уезда», но не замеченные и не осмысленные тогда современниками в полной мере. Изумленное же удивление вызвало появление именно речи «Гамлет и Дон-Кихот», в которой шекспировский герой в актуальной интерпретации предстал максимально выпукло и объемно.

Письмо В.П. Титова к В.Ф. Одоевскому
12 (24) февраля 1860г. Штутгарт

Штутгарт 12/24 февраля 1860

Не погрешил ли ты, любезный друг Одоевский, сообщить нам любопытные сведения? Под забор барона, обоих Ковалевских¹, и гр. Толстого² с кн. Урусовым³. Нужен он и именно в теперешнем его призвании.

В самых недавних №-х «Инвалида», в конце рецензии Лебедева на 6-й том Устрялова⁴, упоминается хранящееся в Императорской Публичной библиотеке духовное завещание принцессы Шарлотты⁵, супруги Алексея Петровича. Это весьма интересует Великую Княгиню Ольгу Николаевну⁶. Ее Высочество отменно была бы благодарна барону Модесту Андреевичу⁷ и тебе, если бы вы могли выслать нам сокращение или копию этого документа, который, как видно, доселе не был и Бог знает может ли когда быть напечатан⁸.

Мы все здесь читаем с великим удовольствием статью Тургенева о Дон-Кихоте и Гамлете. Параллель и контраст между двумя героями замысловат и дает автору повод ко множеству разительных и умных, ввиду современного общества, сближений. Мне однако сдается, что читатели вправе требовать продолжения или, лучше сказать, 2-й половины. Тургенев очевидно пристрастен к Дон-Кихоту и не жалуется Гамлета, забывая, что весь духовный состав последнего пошатнулся от тяжести задачи, возложенной на него судьбою. Ты пом-

нишь у Гёте разбор Гамлета, в «Вильгельме Мейстере»⁹. Недаром сравнил он несчастливца-героя с драгоценным сосудом, куда всадили растение не под силу ему. «Корни разрослись, и напор их разбил сосуд»¹⁰.

Присоветуй Тургеневу, с огромным его талантом, продолжить мысль Гёте, применив ее к Дон-Кихоту. Последний, при всей своей рыцарской честности, на веки веков останется смешон, ибо сам задал не по плечу себе задачу. А Гамлет, несмотря на тьму своих странностей, противоречий, недостатков, никогда не перестанет привлекать к себе глубокое участие тем, что корень всех его зол положен суровой судьбой. Она, олицетворясь в погибшем отце, поставила его во вражду с собой самим и в разлад со всем, что он вокруг себя встречает и любит. Не будь ужасной задачи, ум и воля развились бы вернее, и не будь в нем сердца врожденно нежного и способного к живой любви и дружбе, сама задача не произвела бы внутри его таких опустошений, не обратила б его в жалкого полушута, нерешимого брюзгу и ветошку.

Статья Тургенева надоумила меня на еще одну мысль. Имеешь ли ты понятие о мадридском священнике, отце Колосовском¹¹, который прежде был в Царско-Сельском институте духовных девиц? Мы видели его летом в Висбадене и здесь. Натура отменно восприимчивая, живая, наблюдательная и деятельная. Успел объездить Испанию. Наметался говорить свободно по-испански. Письма его о мадридских нравах¹² крайне занимательны. Что если бы прямо из Питера подбить его заняться верным и полным переводом «Дон Кихота» на живой русский язык¹³? Среди местной дороговизны финансы его плохи. Надо бы обещать награду и даже предварительное пособие от Мин<истерст>ва просв<ещения> или Русского отд<еления> Академии наук. Работа была бы года на два, на три, ибо нужно живьем изучить Бискайские нравы, поговорки и предания. На все это способен один совместный напор всех этих ведомств. Иначе он, пожалуй, устрашится, как бы Синодальное начальство не стало пенять за «Дон-Кихота» на посольского священника.

Твой Титов.

P.S. целую руку кавалерственной дамы¹⁴ и нежно пеняю за то, что не пишет, получила ль из Веймара шерстяную вату.

Примечания к письму

Автограф: ОР РНБ. Ф. 539. Ед. хр. 1063. Л. 84–85 об.

Публикуется впервые.

Датируется: 12 (24) февраля 1860 г.

¹ Братья Евграф Петрович (1790–1867) и Егор Петрович (1809–1868) Ковалевские. Старший – генерал-майор, действительный статский советник, глава Томской губернии (1830–1835), министр народного просвещения (1858–1861). Младший – дипломат, путешественник, востоковед и писатель, председатель «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым» (1859–1868). Оба, находясь в центре общественно-политической и литературно-просветительской жизни России, входили в круг дружеского общения В.Ф. Одоевского. См. упоминания о них в дневнике последнего [12. С. 116, 127].

² Вероятно, Иван Матвеевич Толстой, граф (1806–1867) – действительный статский советник, министр почт и телеграфов (1863–1867), певец-дилетант.

³ Сергей Николаевич Урусов, князь (1816–1883) – действительный статский советник, генерал-прокурор, министр юстиции (1867).

⁴ Николай Герасимович Устрялов (1805–1870) – историк и археограф, профессор Санкт-Петербургского университета. Главным трудом жизни Устрялова стала незаконченная «История царствования Петра Великого» (1858–1863), шестой том которой был полностью посвящен царевичу Алексею Петровичу. Отдельная – вторая – глава рассказывала о его браке с кронпринцессой Шарлоттой, жизни последней в Петербурге и ее смерти.

⁵ Шарлотта Брауншвейг-Вольфенбюттельская, кронпринцесса (1794–1815) – супруга царевича Алексея Петровича, мать императора Петра II. Говоря о завещании кронпринцессы, Титов имеет в виду ее предсмертное письмо на немецком языке к Петру I, в котором она просила императора позаботиться о детях и оказать покровительство придворным. В настоящее время письмо хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 588. Ед. хр. 368. Л. 1–2).

⁶ Ольга Павловна, великая княгиня (1822–1892) – дочь Николая I, супруга короля Карла I Вюртембергского.

⁷ Модест Андреевич Корф, граф (1800–1876) – действительный статский советник, директор Императорской Публичной библиотеки (1849–1861), главным образом управляющий Вторым отделением (1861–1864).

⁸ Завещание кронпринцессы Шарлотты было опубликовано в немецком «Журнале новой истории и географии» А.-Ф. Бюшинга в 1781 г. См.: [13].

⁹ В романе «Ученые годы Вильгельма Мейстера» (1795) Гёте сделал своего героя горячим поклонником Шекспира и в особенности его трагедии «Гамлет», интерпретация и постановка которой оказываются важным смысловым центром всего произведения. В конце тринадцатой главы (кн. 4) устами Вильгельма автор выводит «ключ ко всему поведению Гамлета»: «Прекрасное, чистое, благородное, высоко нравственное создание, лишенные силы чувств, без коей не бывает героев, гибнет под бременем, которое ни нести, ни сбросить ему не дано» [14. С. 199].

¹⁰ Титов здесь пересказывает и цитирует сравнение с драгоценным сосудом, которое использовал Вильгельм Мейстер для объяснения причин бездействия Гамлета и сути его внутреннего конфликта: «Hier wird ein Eichbaum in ein köstliches Gefäß gepflanzt, das nur liebliche Blumen in seinen Schoß hätte aufnehmen sollen; die Wurzeln dehnen aus, das Gefäß wird zernichtet» [15. С. 279] («Здесь дуб посажен в драгоценный сосуд, которому назначено было лелеять в своем лоне только нежные цветы; корни растут и разрушают сосуд») [14. С. 199].

¹¹ Павел Евфимович Колосовский, священник (?–1863) – настоятель Покровской церкви Царскосельского училища для девиц духовного звания. В ноябре 1857 г. на фоне восстановления русско-испанских дипломатических отношений о. Павел вместе с двумя причетниками прибыл в Мадрид для устройства новой церкви. Однако его служба в Испании продлилась не слишком долго – Колосовский скоропостижно скончался в 1863 г. в Дрездене [16. С. 44–45].

¹² В русской печати «письма о мадридских нравах» Колосовского неизвестны. Вполне возможно, что они сохранились в составе личных документов настоятеля, которые после его смерти могли оказаться в архиве Коллегии иностранных дел в Санкт-Петербурге или в архиве Святейшего правительствующего Синода.

¹³ К середине XIX в. Россия действительно не обладала «верным и полным переводом “Дон Кихота” на живой русский язык». На его отсутствие пенял в своей статье и Тургенев («к сожалению, мы, русские, не имеем хорошего перевода “Дон-Кихота” <...>. Хороший перевод “Дон-Кихота” был бы истинной заслугой перед публикой» [3. Т. 5. С. 330–331]), но роман не был совсем безызвестен отечественному читателю. В свое время имеющуюся лакуну в представлении русского текста «Дон Кихота» пытались восполнить, например, В.А. Жуковский (1803–1806), С.С. де Шаплет (1831) и К.П. Масальский (1838). Об особенностях перевода В.А. Жуковского см.: [17].

¹⁴ Имеется в виду жена Одоевского Ольга Степановна (урожд. Ланская, 1797–1872) – фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны. Накануне, 28 декабря 1859 г., она была награждена малым крестом ордена Святой Екатерины

Литература

1. Манн Ю.В. Эпизод из истории вечных образов // Манн Ю.В. Тургенев и другие. М. : РГГУ, 2008. С. 28–45.
2. Левин Ю.Д. Статья И.С. Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» (к вопросу о полемике Добролюбова и Тургенева) // Н.А. Добролюбов : ст. и материалы. Горький, 1965. С. 122–163. (Ученые записки / Горьк. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского; вып. 71).
3. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 12 т. М. : Наука, 1978. Т. 1. 574 с.; 1980. Т. 5. 543 с.
4. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика : в 2 т. М. : Искусство, 1983. Т. 1. 448 с.
5. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 18 т. М. : Наука, 1982. Т. 1. 607 с.; 1987. Т. 3. 701 с.
6. Алексеев М.П. Тургенев и испанские писатели // Литературный критик. 1938. Кн. 11. С. 136–141.

7. Servantes M. de El ingenioso hidalgo Don Quijote de la mancha. Barcelona, 1839. 679 p. // НИОР РГБ. Ф. 439. К. 33. Ед. хр. 1.

8. Тургенев И.С. Гамлет и Дон-Кихот. План-конспект и наброски текста / публ. Ю.Д. Левина // Тургеневский сборник : материалы к Полн. собр. соч. и писем И.С. Тургенева. М. ; Л. : Наука, 1966. С. 71–82.

9. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5084. Л. 182–184.

10. Сахаров В.И. Романтик-любомудр В.П. Титов и его литературно-критическое наследие // Контекст: литературно-теоретические исследования : 1994–1995. М. : Наука, 1996. С. 106–112.

11. Титов В.П. О Романе, как представителе образа жизни новейших Европейцев / публ. В.И. Сахарова, А.В. Коренькова // Контекст: литературно-теоретические исследования : 1994–1995. М. : Наука, 1996. С. 115–122.

12. Одоевский В.Ф. «Текущая хроника и особые происшествия». Дневник 1859–1869 гг. // Литературное наследство. М., 1935. Т. 22–24. С. 79–308.

13. Vermählungstractat zwischen dem zarischen Kronprinzen Alexei Petrowitsch und der Braunschweigischen Prinzessin Christina Sophia nebst Beilagen welche sich darauf beziehen // Magazin für die neue Historie und Geographie. 1781. Th. XV. S. 337–338.

14. Гёте И.-В. Годы учения Вильгельма Мейстера // Гёте И.-В. Собрание сочинений : в 10 т. М. : Худож. лит., 1978. Т. 7. С. 7–504.

15. Goethe J.-W. Wilhelm Meisters Lehrjahre : in 4 Bd. Berlin, 1795. Bd. 2. 374 S.

16. Токарева Е.С., Талалай М.Г. Православие в Испании: трудный путь становления и развития // Вестник ПСТГУ. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 82. С. 37–52.

17. Айзикова И.А. Стих и проза в переводе В.А. Жуковского «Дон Кишот Ламанхский» // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Языки рус. лит., 2012. Т. 9. С. 449–466.

Vladimir Titov's Letter to Vladimir Odоеvsky as a Well-Known Response to Ivan Turgenev's Article "Hamlet and Don Quixote" (Contemporaries' Reception of Turgenev's Interpretation of the Image of Hamlet)

Tekst. Kniga. Knigozhdanie – Text. Book. Publishing, 2021, 26, pp. 104–116

DOI: 10.17223/23062061/26/6

Ivan O. Volkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: volkoviv@gmail.com

Keywords: Vladimir Titov, Vladimir Odоеvsky's letter, Ivan Turgenev, "Hamlet and Don Quixote", Shakespeare.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-312-90006.

For the first time, in the article, Vladimir Titov's letter (dated 12/24 February 1869) is published and commented. In the 1820s, in Russia, Titov was well-known as a writer and literature theorist, the author of a romantic novella *The Remote House on Vasilyevsky Island* (1829) close to Society of Lyubomudriye. The letter extracted from the archives

of the National Library of Russia is addressed to Duke Vladimir Odoevsky whose relationship with Titov was friendly from the very beginning of their acquaintance. The letter focuses on Ivan Turgenev's speech published in the first issue of *Sovremennik* and titled "Hamlet and Don Quixote". Reacting to Turgenev's article, Titov shortly and critically accesses the comparison concentrating mainly on the image of Hamlet and thoroughly expresses his opinion on the essence of his tragic state. Titov's opinion is just the opposite of Turgenev's complex and multidimensional interpretation. Having experienced the great impact of the philosophy of German idealism at the beginning of his career, Titov to a great extent idealizes Shakespeare's character whom he long knows and whom he is clearly eager to vindicate. Meanwhile, Titov does not pursue the aim to absolutely advocate the romantic halo of Hamlet as a Titanic personality (grandiose intellect and scale of feeling) and to enact the tragic pathos of the inner fight only. Developing Goethe's definition of the essence of the character's inner conflict, Titov, on the one hand, approaches its real understanding underlying the prince's necessity to stay in a derogatory position of a "pitiful semiclow, indecisive grouch and shred". On the other hand, the assessment can not be absolutely objective because Titov wants to see Hamlet as a victim of the fatal fortune which turns him into a character of an almost classical tragedy of fate. Titov's bright and developed reaction (in the document of private nature) to Turgenev's article is attractive and important first of all for its vividly demonstrated novelty and creativity of the writer's view, wideness and multimodality of the author's perception of Hamlet's image. For the first time, Turgenev gave a developed interpretation of Shakespeare's image in the tale "Hamlet of Shchigrovsky Province" (1848). Continuing his searches in the area of "Russian" (or "steppe") Hamlet, Turgenev creates moral and philosophical problems of the English tragedy in the crisis socio-historical and cultural atmosphere of Russia of the 1840s. However, the principles of the artistic generalization and the peculiarities of the new reading, not mentioned and not fully comprehended by his contemporaries, were surprising and rejected when the speech "Hamlet and Don Quixote" appeared, in which Shakespeare's character is presented ultimately vividly and lively in the then current interpretation.

References

1. Mann, Yu.V. (2008) *Turgenev i drugie* [Turgenev and Others]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 28–45.
2. Levin, Yu.D. (1965) Stat'ya I.S. Turgeneva "Gamlet i Don-Kikhot" (k voprosu o polemike Dobrolyubova i Turgeneva) [I.S. Turgenev's "Hamlet and Don Quixote" (on the debate of Dobrolyubov and Turgenev)]. In: Polyansky, V. (ed.) *N.A. Dobrolyubov*. Gorky: Gorky State University. pp. 122–163.
3. Turgenev, I.S. (1978) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 12 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols. Works: in 12 vols]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
4. Schlegel, F. (1983) *Estetika. Filosofiya. Kritika: v 2 t.* [Aesthetics. Philosophy. Criticism: in 2 vols]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: Iskusstvo.
5. Turgenev, I.S. (1982) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 18 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols. Letters: in 18 vols]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

6. Alekseev, M.P. (1938) Turgenev i ispanskii pisateli [Turgenev and Spanish writers]. *Literaturnyy kritik*. 11. pp. 136–141.

7. Servantes, M. de (1839) *El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha*. Barcelona: [s.n.]. The Russian State Library. Fund 439. B. 33. File 1.

8. Turgenev, I.S. (1966) Gamlet i Don-Kikhot. Plan-konspekt i nabroski teksta [Hamlet and Don Quixote. An outline and sketch]. In: Izmaylov, N.V. & Nazarova, L.N. (eds) *Turgenevskiy sbornik: materialy k Poln. sobr. soch. i pisem I.S. Turgeneva* [Turgenev's Collection: materials for the Complete Collection of I.S. Turgenev's Works and Letters]. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 71–82.

9. The Russian State Archive of Literature and Arts. Fund 195. List 1. File 5084. pp. 182–184.

10. Sakharov, V.I. (1996) Romantik-lyubomudr V.P. Titov i ego literaturno-kriticheskoe nasledie [Romanticist and member of the Lyubomudry V.P. Titov and his literary and critical heritage]. In: Mikhailov, A.V. (ed.) *Kontekst: literaturno-teoreticheskie issledovaniya: 1994–1995* [Context: Literary-Theoretical Research: 1994–1995]. Moscow: Nauka. pp. 106–112.

11. Titov, V.P. (1996) O romane, kak predstavitele obraza zhizni noveyshikh Evropeytssev [On the novel as a representative of the newest Europeans' lifestyle]. In: Mikhailov, A.V. (ed.) *Kontekst: literaturno-teoreticheskie issledovaniya: 1994–1995* [Context: Literary-Theoretical Research: 1994–1995]. Moscow: Nauka. pp. 115–122.

12. Odoevsky, V.F. (1935) “Tekushchaya khronika i osobyie proisshestviya”. Dnevnik 1859–1869 gg. [“Current Chronicle and Special Occurrences”. Diary 1859–1869]. In: Lebedev-Polyansky, P.I. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 22–24. Moscow: Zhur.-gaz. ob"edinenie. pp. 79–308.

13. Anon. (1781) Vermählungstractat zwischen dem zarischen Kronprinzen Alexei Petrowitsch und der Braunschweigischen Prinzessin Christina Sophia nebst Beilagen welche sich darauf beziehen. *Magazin für die neue Historie und Geographie*. XV. pp. 337–338.

14. Goethe, I.-W. (1978) *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected Works: in 10 vols]. Vol. 7. Translated from German. Moscow: Khudozh. Lit. pp. 7–504.

15. Goethe, I.-W. (1795) *Wilhelm Meisters Lehrjahre: in 4 Bd.* Vol. 2. Berlin: [s.n.].

16. Tokareva, E.S. & Talalay, M.G. (2018) Orthodoxy in Spain: a difficult path to the formation and development of the Orthodox Church. *Vestnik PSTGU. Ser. II. Istoriya. Istoriya Russkoy Pra-voslavnoy Tserkvi – St. Tikhon's University Review. Series II: History. Russian Church History*. 82. pp. 37–52. (In Russian). DOI: 10.15382/sturII201882.37-52

17. Ayzikova, I.A. (2012) Stikh i proza v perevode V.A. Zhukovskogo “Don Kishot Lamankhskiy” [Verse and prose translated by V.A. Zhukovsky “Don Quixote of La Mancha”]. In: Zhukovsky, V.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: in 20 vols]. Vol. 9. Moscow: Yazyki rus. lit. pp. 449–466.